

Образования нулевой суффиксации в разновременных переводах «Богословия» Иоанна Дамаскина на церковнославянский язык

Н.Г.Николаева

историческое словообразование, историческая стилистика, диахрония текста

Образования нулевой суффиксации являются достаточно заметной оригинальной чертой авторского стиля Иоанна экзарха Болгарского, первого переводчика «Богословия» Иоанна Дамаскина на древнеславянский язык. Существительные нулевой суффиксации составляют в «Богословии» особый словообразовательный пласт синкретичных имен, которые совмещают в себе значения агентивное и акциональное. Очень многие из нулевых образований памятника фиксируются словарями исключительно по его материалу и материалу его списков и редакций, у менее многочисленных отмечается в этом памятнике первое употребление: *въздразъ, въмѣстъ, извратъ, излазъ, изливъ, исказа, испловъ, окоусть, осждъ, отърѣзъ, отъстѣпъ, повѣтъ, погрѣзъ* (в значении 'погружение'), *постигъ* (в значении 'постижение'), *прикосъ, провѣдъ, прѣслоуха, растѣпъ, съгрѣзъ, сълогъ, съмазъ, оугасъ*; немногие представлены в исторических словарях как более поздние образования *отъродъ, построи*; а такие слова как *измѣнъ, исказъ, отъпадъ* и некоторые другие не обнаруживаются ни в «Материалах к словарю древнерусского языка» И.И. Срезневского, ни в Словаре русского языка XI-XVII века.

Будучи нейтральными по своим общезыковым свойствам, образования нулевой суффиксации испытывали, как правило, большое влияние текста, адаптируясь к его жанрово-стилистическому типу. Большое количество нулевых образований – свидетельство использования переводчиком общеславянских нейтральных моделей словопроизводства в поиске смысловых и понятных читателям эквивалентов греческим лексемам. Преодоление же синкретичности этих образований происходит в активном процессе их варьирования с другими словообразовательными типами.

Образования нулевой суффиксации варьируются в тексте перевода с образованиями на -ыни: *лъжь/лъжа – лъгыни*; -ство: *любъ – любьство*. Нулевые образования со значением лица вариантами имеют имена на -тель: *спасъ – спаситель, слоуга – слоужитель*; -никъ: *слоуга – слоужьникъ*.

Особенно много случаев варьирования имен нулевой суффиксации с образованиями на -(е)никъ: *въкоусть – въкоушеник, вѣдъ – вѣдѣник, глаголъ – глаголаник, застѣпъ – застѣпкеник, изборъ – избраник, измѣнъ/-а – измѣненик, искоусть – искоушеник, овѣтъ – овѣщаник, осждъ – осжденик, отъпадъ – отъпаденик, отърѣзъ – отърѣзаник, отъстѣпъ – отъстѣпленик, повѣда – повѣжденик, поклонъ – поклананик, порода – породеник, послоухъ – послоушаник, похоть – похотѣник, почьсть – почьтеник, прикладъ – прикладеник, провѣдъ – провѣдѣник, пророкъ – прореченик, прѣлогъ – прѣложеник, прѣстѣпъ – прѣстѣпкеник, раздѣлъ – раздѣленик, родъ – рожденик, садъ –*

сажденик, строи – строеник, съказъ – съказаник, сълогъ – съложеник, смѣсъ – смѣшеник, съпадъ – съпадѣник, съпасъ – съпасеник, съставъ – съставленик, сътворъ – сътвореник, сътъкъ – стеченик, оутвърда – оутвържденик, гадъ – гаденик.

Превалирование замен нулевых образований именами на -(ε)ник для обозначения одного и того же греческого слова говорит не только о том, что эти словообразовательные модели являются самыми распространенными в системе именного словопроизводства памятника, но и о том, что имена на -Ø становятся более характерными для обозначения абстрактного действия (результата действия), чем, скажем, действующего лица.

Сравнивая самый ранний из сохранившихся списков «Богословия» в переводе Иоанна экзарха с более поздними, XIV–XVI вв., мы обнаруживаем, что особенно активные процессы происходят в сфере нулевых образований, которые часто употреблял экзарх: со временем их остается очень мало. Это является одним из свидетельств окончательного распада семантического синкретизма в текстах такого типа, поскольку нулевые образования сохраняли синкретизм дольше других производных слов. Переписчики всякий раз старались актуализировать одно значение у субстантивов с нулевым формантом, и актуализация эта происходила путем замены нулевого форманта на другой, наиболее типичный для того или иного словообразовательного значения. Например, следующий фрагмент с синкретичными нулевыми образованиями претерпел в XVI веке изменения в русле общей тенденции замены имен нулевой суффиксации именами на -(ε)ник (цит. по изданию [Sadnik 1967-1983]; слова, претерпевшие изменения, подчеркнуты):

Иоанн экзарх, лл. 253a-b

съ лежациннхъ въстание,
стогацннхъ оутвърда,
немоцъннхъ жъзлъ, пасомннхъ
паница, обрацающнхъ сѧ вождь,
поспѣвающнмъ съвршение, дши
спсѣ и плъти, всси зъли
въздразъ, всего добра давьць,
грѣхоу гоувитель, садъ
въскрѣсенню, древо житъга
вѣчнаго.

список XVI в. (РГБ, ф.98, № 612)

съ лежациннхъ въстание,
стогацннхъ оутверженіе,
немоцъннхъ жъзлъ, пасомннхъ
паница, обрацающнхъ сѧ вождь,
поспѣшающн(м) съвршение, дши
спасеніе и плъти, всси злобы
възраженіе, всѣхъ добры(х)
давць, съгрѣшеніе(м) гоувитель,
садъ въскрѣсенню, древо житъга
вѣчнаго.

Исходная синкретичная сущность нулевых образований особо ярко обнаруживает себя в списках XVI века в той ситуации, когда имя нулевой суффиксации раннего списка вопреки греческому оригиналу заменяется в списках XVI века на образование, актуализирующее значение действующего лица. Например, в цитате из апостольских посланий (2Фес 2:3) никътоже васъ не прельститъ никимъже образъмъ, аще бо не придетъ отъстоупъ пръвое и авитъ сѧ чловѣкъ незаконнын (339a-b) все исследуемые Л.Садник рукописи XVI века производят замену отъстоупъ

на *Ῥστοῦπникъ*, что не соответствует ни греческому *poimen actionis ἀποστασία*, ни версиям Христинопольского и Карпинского Апостолов (сохраняющим вариант *отъстѣпъ* [Sadnik 1983 : 133]). Использование *poimen agentis* в этом контексте, хотя идет вразрез с традицией, но вполне объяснимо, исходя из общего содержания этих стихов Послания, пророчествующих о пришествии антихриста (тут же упомянутом как *чловѣкъ беззаконныи*). В Толковом Апостоле XVI века это место так и объясняется: *Ῥстоупленіе того глѣтъ антиха* (РГБ, ф. 304 I, №1186 л. 429), то есть в богословском понимании того времени *отступление* в этом контексте метонимически означало личность, так что вариант, предлагаемый списками XVI века, в смысловом отношении казался правомерен. Но с языковой точки зрения появление его стало возможно благодаря изначальной склонности нулевых образований к недифференцированности значений, о которой писал еще А.А.Потебня [Потебня 1968: 23].

Изменения коснулись и сочетаний *везъ* + субстантив, тоже очень для экзарха типичных. На примере следующего фрагмента продемонстрируем, что они собой представляют:

Иоанн экзарх, лл. 58a-b

*небонѣ бѣ без лѣта и без
начатѣка и без вреда и безъ
истока и бес плѣти и единѣ бес
коньца, без лѣта и без
начатѣка и без вреда и без
истока раждаетъ и бе съвъкъпа.*

список XVI в. (РГБ, ф.98, № 612)

*бгѣ бо безлѣтенъ сын ѿ
безначаленъ и бе(з)стрѣтенъ и безъ
истоцаніа и бесплѣтенъ и единѣ
бесконеченъ, безлѣтно и
безначально и бе(з)стрѣтенъ и без
истоцаніа раждае(т) и бе(з)
съвожпленіа.*

Мы видим, что в одних случаях предложно-падежные сочетания сохраняются, но в них выступают уже не нулевые образования, а более типичные для выражения значения абстрактного действия слова на *-(ε)ниѣ*. В других случаях на месте прежних сочетаний *везъ* + субстантив выступают новые конфиксальные образования, которые к тому времени окончательно оформились как самостоятельный словообразовательный тип.

Те же тенденции в отношении нулевых образований прослеживаются и в новых переводах «Богословия», в частности в переложении кн. А.М.Курбского и М.А.Оболенского, выполненного в XVI веке (текст приводится по изданию [Besters-Dilger 1995]). Несмотря на то, что основой этого переложения послужил прежде всего латинский текст «Богословия», князь в своей работе во многом опирались на труд Иоанна экзарха и иногда заимствовали из него целые фрагменты, подвергая их минимальному адаптиванию или вовсе без изменений. В ходе адаптивания оригинальные нулевые образования экзарха заменяются словообразовательными синонимами на *-(ε)ниѣ* или синонимами лексическими, в основном этого же словообразовательного типа, потому что в именах на *-(ε)ниѣ* окончательно концентрируется к тому времени значение абстрактного действия: *въздразъ* – *одоленіе*, *въмѣстѣ* – *вмѣщеніе*, *излазъ* – *вхожденіе*, *отърѣзъ* – *оставленіе*, *бес*

повѣта – без сопротивленія, прикосъ – прикосновеніе, прѣслоухъ – прѣслоушаніе, оугасъ – загашеніе, съгрѣзъ – смѣшеніе и т.д. и т.п.

Тем не менее удельный вес нулевых образований в данном памятнике значителен – около 120 (vs. 150 в переводе Иоанна экзарха Болгарского). Учитывая то, что, по сравнению с первым переводом экзарха, перевод Курбского-Оболенского почти вдвое больше по объему, так как включает переложение всех глав оригинала, число имен нулевой суффиксации закономерно снизилось. Но в тексте сохраняются некоторые редкие образования, восходящие еще к первому переводу: воспаръ, ѡтродъ, поспѣхъ, смѣсъ и т.п.

Часто такие имена являются принадлежностью фрагментов сочинения, заимствованных из первого перевода и адаптированных в разной степени к языку XVI века и индивидуальному стилю князей-переводчиков. Так, фрагмент, приведенный выше, содержащий сочетания *везъ* + субстантив, Курбский и Оболенский трансформируют лишь частично, сохраняя характерные особенности текста Иоанна экзарха, где это возможно, с одной стороны, не повторяя его дословно, но сохраняя его стиль, и, с другой, учитывая требования языка своего времени, используя наречия и имена на *–(ε)ние*:

ѣво вѣтъ безлѣтен сын, ѣ без начала ѣ без вреда ѣ существа ѣстока не имоуцаго, ѣ безплотенъ, едѣнъ безконечный: безлѣтне, без начала, ѣ безвредне, ѣ без истощения соущества родить, ѣ без смешения (10b).

Еще меньше изменений первоначального текста обнаруживается в тех частях сочинения Дамаскина, которые посвящены не богословским, а естественнонаучным проблемам. Здесь можно назвать сразу несколько причин сохранения исходного перевода: во-первых, аксиологическую (эти главы не столь важны в догматическом отношении, поэтому они менее других подвергаются переработке); во-вторых, историко-лингвистическую (если гуманитарный терминологический аппарат славянского языка к XVI веку уже обрел свои константы, то естественнонаучная терминология остается совершенно неразработанной); в-третьих, стилистическую (имена на *–(ε)ние* и нулевые образования осознаются как принадлежащие разным текстам-образцам и приличествующие разному содержанию).

Приведем здесь для сравнения начало главы «О чувстве» (естественнонаучных рассуждений об органах чувств человека) в переводе Иоанна экзарха Болгарского и князей Курбского и Оболенского.

Иоанн экзарх Болгарский, л. 188a-b

Чоуѣство ксть сила дшевнаа,
принимательна вещьмъ, рекъше
разоумичьна. чоуѣства же оудове
рекъше оудове, и ниже чоуѣмъ.
чоуѣвна же чоуѣтью подъпадають.
чоуѣвъ же животъ и мьи чоуѣтък.
соуѣтъ же чоуѣства патъ, такоже и
чоуѣства патъ.

Курбский-Оболенский, л. 48b

Чювство есть сила дшевнаа,
примателнаа вещьам, рекше
разоумична. чоуѣство же оудове
и ниже чоуѣм. чоуѣвнаа же тако
чоуѣв'ствоу подпадають. чоуѣвнаа
животъ имѣють почоуѣтѣа. соуѣт'
же чоуѣв'ствъ пат, також и
чоуѣвнѣх пат.

Допуская небольшое варьирование, князья-переводчики оставляют в целом словоупотребление Иоанна. И далее в этой главе поэтому сохраняются такие образования, как *видъ*, *зракъ*, *слоухъ*, *гласъ*, *тварь*, *отъстоупъ*, *воспаръ*, *воня*. Одни имена – *вид*, *слух*, *глас*, *отступ* – сохранились в сфере обозначений чувств (и не только) до сегодняшнего дня. Другие имена – например, *воспаръ* – являются скорее традицией текста. Интересно, что Курбский и его коллега заменяют некоторые имена нулевой суффиксации в этом отрывке из текста Иоанна экзарха также нулевыми образованиями: *вкоусть* > *смакъ*, *тъпътъ* > *звукъ*, *помысль* > *мысль*.

И только в самом конце главы, когда все пять чувств собираются в тесном контексте воедино, переводчики XVI века нарушают порядок первого перевода, в котором каждое чувство названо именем нулевой суффиксации, приближая свой вариант к современной им языковой ситуации:

Иоанн экзарх Болгарский, л. 193a-b

трѣвѣ есть вѣдѣти, ꙗкоже видѣ
по правымъ чртамъ видить, а
обоухъ есть и слоухъ не въ прамъ
есть тѣчью, нѣ всюдоу. а прикосъ
и вѣкоусть ни въ прѣмину, ни
въсоуду познавають, нѣ тѣгда
тѣчью, егда къ нимъ приближатъ
са своими чутин.

Курбский-Оболенский, л. 49b

потреба же есть вѣдати, иж
видѣ по правымъ чертамъ зрѣть, а
обюханіе ꙗ слоухъ, не точно по
правымъ, но ꙗ отовсюды, а
осазаніе ꙗ вкоушеніе, а ни по
правои, а ни отовсюдоу но точно
само егда к нимъ приблизѣтса
своиственными своими почутин.

Из наших наблюдений за разновременными списками/переводами одного сочинения в отношении имен нулевой суффиксации вытекает вывод, что язык перевода следует не только закономерностям общеязыкового развития и сложения стилистической системы, но и, если так складывается культурно-историческая ситуация, традиции текста, начиная с первого его списка/перевода. Сама же категория стиля средневекового текста относительна и также зависит от текстологических факторов.

Литература и источники

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т.3. – Москва: Просвещение, 1968. – 552 с.

Славянские рукописи Свято-Троицкой Сергиевой Лавры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php>, свободный. – Проверено: 15.01.2012.

Besters-Dilger J. (Hrsg.). Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528-1583). – Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. – LXXX+1025S. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes; Tom. XXXV).

Sadnik L. (Hrsg.). Des hl. Johannes von Damaskus "Εκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz; Freiburg i. Br.: U.W.Weihler, 1967 – 1983. – 4 Bd. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes; Tom. V).